

Пансо В

57111-888

Молодежь Эстонии * 5 МАЯ 1988
г. Таллин

СОВЕТСКИЕ

XXV TEATRIKUU

Имя замечательного эстонского режиссера Вольдемара Пансо известно всем. Гораздо меньше русскому читателю известно, что он был и превосходным беллетристом, хотя на русском языке вышло несколько его произведений. Сейчас готовится к изданию книга, куда вместе с пансовскими «Портретами во мне и вокруг» войдут и его теоретические статьи по вопросам театра. Книгу составила ученица Вольдемара Пансо Мерле Каруссоо.

ВОЛЬДЕМАР ПАНСО

ВМЕСТО АВТОПОРТРЕТА

(ИЗ КНИГИ «ПОРТРЕТЫ ВО МНЕ И ВОКРУГ»)

Я стал тем, кем и не мечтал стать. А кем мечтал — не стал. Я хотел стать моряком, потом клоуном, еще позже — пастором. Никогда не был набожным, видимо, и в профессии священника меня привлекало вероучение и оживление слова. Когда я написал в анкете, что лелею мечту стать клоуном, в гимназии рассердились — зачем тогда учиться.

Когда Георг Лурих решил сделаться силачом, его отец сказал: «Знал бы раньше — не отдал бы тебя в школу. Сколько добрых лошадей можно было купить за те деньги, что ушли на твоё ученье».

Родители оставались в стороне от моего выбора профессии. Думаю, что они не меньше моего были удивлены, когда я оказался в театральном училище. И надо же было, чтоб в год моего окончания гимназии при консерватории открыли училище сценического мастерства! И чтобы вступительные экзамены там были раньше, чем в Тартуском университете! Я решил попробовать, и поступил. Никакой особой радости мне это не доставило — радость пришла во время учебы. Параллельно я работал журналистом. Исключительно для заработка. Я вообще писал только для денег. Не считая ночных часов, когда пишу для себя. С ручкой мне лучше думать. Задним числом я готов поверить отцу, который сказал, что мое настоящее дело — писательство. А может быть, мои постановки и есть книги, написанные на языке театра?

Оглядываясь на прошлое, я понимаю, какую огромную роль сыграли в моей жизни инстинкт.

счастье и случай. Только надо быть готовым к случайности — это я понял уже в зрелом возрасте — а то ведь у случая нет ни запаха, ни вкуса, так и пройдет незамеченным. И все же два шага я сделал с сознательным упорством. Во-первых — избавился от физического труда. Я надрылся на торфоразработках, на бетонном заводе, на химической фабрике. Работал, сжав зубы, и это дало мне силы учиться в гимназии. Вторым таким шагом стали пять лет театрального института в Москве. Я хотел знать больше, чем могла в те годы дать мне республика. ГИТИС — самое переломное, самое кипучее, самое странное и самое великолепное время моей жизни. Открывались, распаивались просто мир и мир искусства. Время, о котором задним числом можно сказать: vivat academie, vivat professores!

Я все делал смелому, кроме института. И к счастью! Совсем юным поступил в училище, совсем юным начал писать, рисовать, играть на органе и на сцене, совсем юным хотел отправиться в путешествие, и ко всему меня влекла какая-то таинственная сила — а ну как не успею!

Во время войны я очень боял-

ся смерти, и больше всего потому, что тогда не проявится все, что во мне есть. Воля к жизни была сильна во мне. Одна депрессия за всю жизнь, и из нее вытащил меня Аугуст Санг.

Наихудшими своими чертами считаю лень и упрямство. Я очень много работал в своей жизни, и подгонял меня страх разленился. А вот с упрямством ничего не могу поделать. Оно засело в генах, унаследованное от множества предков и прародительниц. Оттого-то я понимаю, что не все в человеке можно переделать. Как говорила Кнебель: посадишь морковку семечко, морковка и вырастет! Что и говорить, упрямство мне помогло во многом. Я не бросил ни одного начатого дела, ни разу не остановился на полпути: сжав зубы, шел вперед и открывал в себе неожиданные запасы сил. Бросил я только занятия в автошколе — тут ни сил, ни упрямства не хватило. Я выдерживаю самые тяжелые репетиции, зато на легких собраниях мне частенько бывает невмоготу.

Своими лучшими чертами считаю любопытство и бесстыдность. Сообща они свели меня с такими людьми, с такими книгами, местами, сценами, ситуациями, которых мне ни за

что не видать, будь я прилежным и систематичным. Во мне так глубоко укоренился сын кузнеца, что непринужденной всего я чувствую себя среди простых людей. Даже из великих мне милей всего интеллигенты в первом поколении.

Самые яркие впечатления моей жизни — месса в Кельнском соборе и Ниагарский водопад. И оба прежде всего слуховые. Это объясняет, почему главное в моей режиссерской работе — интерес к слову и диалогу. И даже самое трагичное переживание я слышу внутренним слухом: угасающий Ян Сауль кричал мне в больничной палате: «Учитель, я не хочу умирать!!!» На пороге смерти так может кричать лишь тот, кто уходит, не успев сказать многого.

Вот как будто и все. Остальное прояснит книга, потому что когда пишешь о других, неизбежно пишешь и о себе, так как все они помогают создать твой (авто)портрет.

Книга эта родилась благодаря счастливому случаю. Поначалу этот случай казался несчастливый, потом счастливым — в жизни вообще счастье и несчастье ходят в обнимку, попробуй раздели их. Сначала меня постигло несколько тяжелых ударов: мне исполнилось пятьдесят

лет, тяжело заболела мать, сгорел дом. Потом последовал тяжелый инфаркт, от которого я легко отделался, — остался жив! За год, пока я находился между небом и землей, портреты во мне и вокруг меня стали такими рельефными, что родилась эта книга. Вот они, самые главные, те, кто влиял и сформировал мою жизнь. Не хватает двух очень важных портретов: Ибсена и Таммсааре — все никак не удаются. Нет и еще двоих, столько сделавших для моего выздоровления: врачей Лууле Сепп и Лео Мардна. Что делать с докторами, которых никак не отблагодарить и которым ничем не отплатить за их тяжкий труд, которые вошли в твою жизнь глубоко, как никто другой, да еще с «черного хода»? Эти люди тебе так дороги, и все же хочется поскорее забыть их, держаться от них подальше — до следующего раза. Я всю жизнь сторонюсь больницы и кладбищ, хоть и понимаю наивность этой игры в прятки — ведь через эти ворота придется когда-нибудь отправиться обратно в Великое Небытие. И докторам тоже.

И больше об этом ни слова. Потому что наши горести и радости обретаются по эту сторону ворот, уметь бы только распознавать их.

Счастьем может стать теплый уголок в комнате, когда за окном ночная метель, или сухая рубашка для застигнутого грозой путника. О счастье может говорить художник, когда его озарит идея, когда мучительные поиски увенчает ошеломительное: эврика! Счастливым может быть режиссер, когда вдруг ощутит внутреннюю цельность будущего спектакля, и актер — когда уловит суть создаваемой роли. Счастьем может стать единственное слово признания, когда червь сомнения и муки поисков лишают сна. Счастье — иметь такого человека, который взыскательно честен с тобой — во имя дружбы. Сча-

стье не бывает вечным. Счастьем что-то предшествует, и что-то следует за ним. Постоянным может быть только стремление к счастью, которое само по себе лишь прерывистая цепь несчастий. Самое трудное — распознать счастье. Оно осознается чаще всего задним числом, как молодость, здоровье, а иногда и любовь. Я не знаю, что такое счастье. Думаю, что источник счастья — это способность творить. Успех и счастье не синонимы, так же, как счастье и богатство. В мелочах все может решить случай, но большое счастье — дело собственных рук. Уверен, что счастье завистника не счастье, как злорадовство не радость, а убийство не победа. Что это за счастье, с которым ты живешь один, как перст? От настоящего счастья что-нибудь достается и другим. Это очень важно! А еще важно, что счастье никогда не приходит к равнодушным. Чаще всего счастье приходит к несчастным. По себе знаю, что счастье сильно отдает запахом невзгод.

И, наконец, много значит игра случая — у каких родителей нам выпало родиться. Вот тут мне повезло больше всего! Я — дитя богатых родителей. У них было много детей, из которых половина, к счастью, выжила. Они были счастливы в детях, в жизни и во многом другом, потому что были богаты, хоть и покупали в лавочке вчерашний хлеб, потому что его уходило меньше. У нас дома было изобилие юмора и замыслов, своеобразия и тепла, происшествий и невзгод, органной музыки, всяких глупостей и любви. Все это украсило и обогатило детство.

Мало у кого есть такие богатые родители! Вот почему в этой книге о них почти не говорится. Они заслуживают отдельной книги!

Перевели с эстонского
Ирина и Виталий
БЕЛОБРОВЦЕВЫ.